Ольга А. Сенькова
Карлов университет, Прага, Чешская республика; НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

# «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга

Феминистские секс-войны начались на Западе в 1970–1980-х годах и сегодня продолжаются по всему миру. Статья посвящена изучению того, как на фоне секс-войн выстраиваются особые политики сексуальности и солидарности среди участниц и участников низовых феминистских инициатив в современной России. Особую актуальность феминистские дебаты о сексуальности получают в консервативном отечественном контексте, основанном на конструировании «традиционных», «исконно русских» моделей сексуальности в бинарной дихотомии доминирования мачистской маскулинности над несубверсивной феминностью.

В рамках данного дискурса секс и сексуальность сводятся к репродуктивной функции воспроизводства нации. Основываясь на анализе собранных с 2015 по 2017 год 28 глубинных интервью с участницами феминистских инициатив Петербурга и 32 дней включенного этнографического наблюдения, я рассматриваю производство значений сексуальности информантками в предложенном Кэрол Вэнс континууме «риск/удовольствие», а также возникающие солидарности и механизмы исключения. Выделено несколько линий солидаризации в следующих континуумах: самоопределения участниц исследования как «женщин» либо как «квир», стремления к созданию исключительно женского пространства либо инклюзивного для ЛГБТИК, восприятия коммерческого секса и БДСМ в континууме «насилие/свободный выбор».

В рамках обозначенных солидарностей конструируются следующие сексуальные диссиденты: идентифицируемые как мужчины



Сенькова Ольга Аркадьевна — стажер-исследователь ЦМИ НИУ ВШЭ СПб, аспирантка факультета социологии Карлова университета (Прага, Чешская Республика). Научные интересы: гендерные исследования, феминистская теория, исследования сексуальности, молодежные исследования. E-mail: oasenkovao@gmail.com

Olya A. Senkova — Research Fellow Center for Youth Studies NRU HSE (Saint Petersburg, Russia), PhD student at Charles University (Prague, Czech Republic). Research interests: gender studies, feminist theory, sexuality studies, youth studies. E-mail: oasenkovao@gmail.com

ЛГБТИК; работницы, работники и потребители коммерческого секса; участницы и участники БДСМ-практик. При этом наиболее актуализируемой для информанток категорией оказывается риск, связанный с насилием, в то время как возможность получения сексуального удовольствия и самовыражения без гарантий безопасности подвергается сомнению.

*Ключевые слова:* молодежные исследования, солидарности, гендерные исследования, феминизм, ЛГБТИК, коммерческий секс

*Olya A. Senkova, Charles University, Prague, Czech Republic*
*"Not so Much About Libido": Solidarities and Sexual Policies Grassroot Feminist Initiatives in Petersburg*

Feminist sex wars began in the West in 1970–1980s and nowadays run on globally. The article takes sex wars into account and considers the construction of sexual policies and solidarities among the participants of the grassroots feminist initiatives in the modern Russia. The feminist debate about sexuality is especially relevant in a conservative domestic context based on the construction of "traditional", "primordially-Russian" models of sexuality in a binary dichotomy of the dominance of hyper-masculinity over non-subversive femininity. Within this discourse, sex and sexuality are reduced to the nation breeding's reproductive function. Using the analysis of 28 in-depth interviews with Petersburg feminists and participant ethnographic observation (32 days), I consider the production of sexual values by informants in the "risk / pleasure" continuum offered by Carol Vance, as well as emerging solidarities and exclusion mechanisms. Several solidarity lines have been found in the following continuums: participants' self-determination as "women" or "queer", aspirations to create male-free or LGBTIQ-inclusive space, the perceptions of commercial sex and BDSM in the continuum "violence-free choice". Within the framework of designated solidarities, there emerge such sexual dissidents as: LGBTIQ identifiable as men, sex-workers and commercial sex consumers, participants of BDSM practices. At the same time, the most important for informants category is the risk associated with possible violence. Meanwhile, the possibility of obtaining sexual pleasure and sexual expression in the absence of security is questionable.

*Keywords:* youth studies, solidarities, gender studies, feminism, LGBTIQ, commercial sex

doi: 10.22394/2074-0492-2018-1-79-100



**Феминистские секс-войны, разворачивающиеся вокруг дебатов о сексуальности, ведутся уже не первое десятилетие по всему миру и оказываются актуальны как для феминистской теории, так и для практической стороны вопроса. В западном академическом дискурсе секс-войны начались в 1970-е годы, условно обозначая окончание второй и начало третьей волны феминизма [Echols, 2016;**

Showden, 2016], и позже проявились в теоретических дебатах между сторонницами феминизма и квир-теории [Schor, 1997].

В рамках третьей волны западного феминизма происходит политический отказ от бинарных оппозиций мужское — женское под влиянием теории, развиваемой Джудит Батлер. В ставшей классической для квир-теории работе «Гендерное беспокойство» исследовательница настаивает на важности развития нового вида феминистской политики, опровергающего конкретизацию гендера и принимающего изменчивую модель сексуальной идентичности в качестве методологической предпосылки [Butler, 1990]. В парадигме квир-исследований бинарная дифференциация женского и мужского постепенно отходит на второй план, акцент ставится на незафиксированности сексуальности, изменчивости, текучести и субверсивности квир, в том числе в качестве распространенной категории самоидентификации, по отношению к любой нормативной системе [Ауслендер, 2000; Valocchi, 2005; Levy, Johnson, 2012].

В современной научной феминистской дискуссии позиции нарождающихся квир-феминистских групп получили более широкое распространение, в то время как идеология радикального феминизма, зародившаяся в феминистской теории времен «второй волны» и основанная на восприятии сексуальной власти как атрибута мужчины и источника женского притеснения [Dworkin, 1989; MacKinnon, 2007], продолжает воспроизводиться на практике [Кондаков, 2017]. По словам Гейл Рубин, феминистская традиция размышлений о сексе в период зарождения секс-войн оказалась сильно поляризованной в контексте замалчивания сексуальности и необходимости борьбы за сексуальную свободу [Rubin, 1984].



Данная позиция оспаривалась исследовательницами, утверждавшими, что феминистская повестка не может быть сосредоточена исключительно на защите от гендерного неравенства или исключительно на необходимости сексуального освобождения в оппозиции идей радикального и либерального феминизма, имеющих различные философские и исторические основания, но при этом сильно зависящих от исторического и социального контекста [Philipson, Ferguson, 1984]. По словам Кэрол Вэнс, женская сексуальность часто виктимизируется в феминистской теории и практике, в то время как сексуальный опыт представляет собой более сложное, противоречивое явление [Vance, 1984]. Гейл Рубин также подчеркивала важность плюралистической этики в понимании и принятии концепции сексуального разнообразия как существующего феномена отсутствия идеальной сексуальности и наилучшего способа ее проявления [Rubin, 1984]. Этот тезис остается актуальным и для современных феминистских исследований сексуальности в западной академической традиции [Weeks, 2015, Sperling, 2014].

По мнению А. Кондакова, исследующего гендерную проблематику в российском контексте, в СССР в 1920-е годы наступает «третья волна» феминизма задолго до возникновения «второй волны» на Западе: в отечественном контексте происходит деконструкция бинарных гендерных структур, в которых Коллонтай подмечает основы сексуального неравенства [Кондаков, 2013]. Впрочем, несмотря на то что советская власть в нормативных документах гарантировала гендерное равенство, различение граждан по признаку пола создавало рамки гендерно-поляризованного гражданства. Идеология «материнского долга» женщины входит в оборот политического манипулирования, а с 1930-х годов начинается репрессивная политика в сфере сексуальности и женских репродуктивных прав [Здравомыслова, 2009].

Актуальный отечественный контекст, формирующийся в условиях всемирного демократического спада с середины 2010-х годов, характеризуется исследователями как гегемонный авторитарный режим [Johnson, Kulmala, Jäppinen, 2016; Temkina, Zdravomyslova, 2014]. В постсоветском пространстве вступает в силу патриархальная, нео-традиционная гендерная идеология, повсеместно проявляющаяся в сексистских политиках и практиках, которые наряду с гомофобией используются государством в качестве пропагандистского оружия [Johnson, Saarinen, 2013; Sperling 2014].



Если в России начала 2000-х существовало два соперничающих дискурса, публично интерпретирующих и оценивающих сексуальность (либеральный, в котором сексуальность воспринимается как предмет просвещения, смягчения сексуальных норм, и морально-охранительный, основанный на воспроизводстве «традиционных» гендерных идентичностей [Темкина, 2002]), то сегодня консервативный дискурс занимает доминирующие позиции. По словам Валери Сперлинг, в отечественном контексте разворачивается гендерная драма, основанная на конструировании бинарных оппозиций в доминирующей патриархальной иерархии ценностей [Sperling, 2014].

В условиях данного гендерного режима проявление мачистской маскулинности господствует над несубверсивной феминностью, а феминистки и профеминисты, стремящиеся подвергнуть сомнению патриархальный социальный порядок, оказываются гендерными диссидентами, осуждаемыми в доминирующем общественном дискурсе, где категории мужского и женского жестко разграничены. При этом гетеросексуальность не представляет собой всего лишь одну из множества возможных опций, а навязывается как единственно возможный способ проявления сексуального желания, часто ограниченного для женщин безопасным пространством нуклеарной семьи и подверженного постоянному контролю [Sperling, 2014].

В современной России консервативный дискурс наиболее ярко проявляется в ущемлении репродуктивных прав женщин, репрессиях по отношению к ЛГБТИК[1], отсутствии сексуального просвещения [Kondakov, 2012; Temkina, Zdravomyslova, 2014]. Россия представляет себя на международном уровне как оплот социального консерватизма и защиты «традиционных» семейных ценностей, значение которых конструируется в противопоставлении «европейской» сексуальной демократии. Идеология при этом проявляется в конструировании определенных отношений в семье как легитимных и традиционно «русских», а прагматические цели реализуются во имя национального интереса, ради достижения биополитических целей государства [Stella, Nartova, 2015].

В рамках консервативной мобилизации происходит создание новой идентичности через конструирование «нетрадиционных», негеторсексуальных, разнообразных и беспорядочных «Иных», само существование и видимость которых противоречит «традиционным» националистическим представлениям о сексуальности [Sperling, 2014; Муравьева, 2014]. В характерном для современной России культурном контексте патриархата любые проявления феминизма конструируются как противоречащие эссенциалистским «традициям» русской культуры и «аутентичному» российскому дискурсу, представляющие угрозу моральным устоям и безопасности российского общества [Temkina, Zdravomyslova, 2014]. Неомаскулинный, полуавторитарный режим исключает любую политическую возможность для каких-либо феминистских проектов в России [Johnson, Saarinen 2013; Кондаков, 2013]. Однако сегодня в России продолжают развиваться феминистские инициативы, реализуемые молодыми активистками и имеющие «постмодернистский», эклектичный в теоретическом плане и слабо организованный с формальной точки зрения характер, но при этом они — часть международного феминистского движения и глобального гражданского общества [Шнырова, 2012].



Данное исследование выстроено в логике *солидарного подхода,* позволяющего обогатить теоретическую дискуссию о новых формах современной молодежной социальности между исследователями, использующими парадигмы субкультурного и постсубкультурного подходов [Bennett, 2011; Pilkington, Omel'chenko, 2013]. Солидарности при этом воспринимаются как характеристики сообществ, которые объединяют молодежь вокруг общих ценностей, стилей жизни, участия в похожих практиках. В то же время в рамках данного подхода внимание уделяется анализу социального контекста

1 Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсексуалы, квир.

производства культурных практик тех или иных групп, с акцентом на их временной и пространственной составляющей [Омельченко, 2008, 2014, 2015].

Сексуальность в работе понимается как одна из важнейших проблематик гендерной повестки, представляющая собой социальный конструкт, действующий в пределах полей власти [Гидденс, 2004] и имеющий внутренние политики, в рамках которых воспроизводятся структуры неравенства и модусы подавления, подразумевающие выстраивание системы сексуальной стратификации, в том числе и в феминистском дискурсе [Rubin, 1984]. В то же время сексуальность рассматривается через призму пересекающихся категорий *удовольствия и риска*. Риск при этом связан с сексуальным насилием и подавлением, в то время как удовольствие определяется категорией агентности и самоутверждения [Vance, 1984].

Я попытаюсь реконструировать понимание сексуальности участницами феминистских инициатив Петербурга и дать ответ на следующие исследовательские вопросы: как активистками производятся значения сексуальности в рамках континуума «риск/удовольствие»? Какие солидарности и механизмы исключения при этом производятся?



Полевая работа проводилась с 2015 по 2017 год в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году. Основной целью этнографического кейс-стади было изучение низовых феминистских инициатив в Петербурге. Включенное наблюдение осуществлялось в рамках участия в феминистских практиках, имеющих разнообразный репертуар действий и включающих в себя волонтерскую работу на феминистских фестивалях, посещение кружка робототехники, дискуссионного клуба, феминистской библиотеки, кинопросмотров, лекций, художественных выставок и мастер-классов, а также отдельных уличных акций (митинг 8 марта 2016 года, пикет за право на аборт 8 октября 2016 года, демонстрация 1 мая 2017 года). Данные, полученные в ходе наблюдения, подкреплены полуструктурированными лейтмотивными интервью с участницами низовых феминистских инициатив Петербурга.

Всего проведено 32 дня включенного наблюдения и собрано 28 интервью с участницами исследования в возрасте от 17 до 39 лет. Учитывая, что основы государственной молодежной политики РФ направлены на лиц в возрасте от 14 до 30 лет, я не рассматриваю молодежь как социальную группу или молодость как период жизни. В фокусе моего внимания оказывается молодежность как стилевая характеристика и символическое приобщение к молодости.

Все информантки идентифицируют себя как феминистки, имеющие различные ролевые позиции в поле: в исследовании задействованы не только ключевые фигуры феминистских инициа-

тив, но и менее активно включенные участницы. Все они — жительницы Петербурга, но имеют различные уровни образования, занятость, этничность, отличаются друг от друга классово, имеют различную сексуальность и разный опыт партнерских отношений. Гетерогенность выборки обусловлена стремлением показать разнообразие опыта отечественных феминисток.

## Риски и инклюзивность

Траектории приобщения к феминистским инициативам разнообразны и представляют собой уникальный опыт для каждой из информанток. Однако в контексте восприятия становления собственной феминистской идентичности рефлексия о личном опыте столкновения с социальной проблемой насилия приобретает особую значимость. Одна из информанток рассказывает, что в наибольшей степени повлияло на формирование ее феминистских взглядов.

> *Ну, у меня, когда мне было двадцать лет, на меня была совершена попытка изнасилования. Тогда мужчина напал на меня с ножом. То есть сначала ножа не было, просто меня схватил. Потом, когда я пыталась вырваться, он достал нож, приставил к горлу, я его забалтывала <...> Ну, короче, он просто стал мне везде мерещиться, казалось, что он рядом находится, а потом, когда я смотрю телевизор, слышу какую-то реплику там, сексистскую шутку, да. Я думаю «бл**ь, это то же самое, что он говорил». Или мой папа, например, что-нибудь рассуждает там, говорит: «Ох, эти женщины». У меня опять флешбэк туда, в эту ситуацию.* (№ 27)[1]

Личный опыт столкновения с сексуальным насилием не является единичным для женщин в постсоветском пространстве. Об этом свидетельствует инициированная украинской активисткой Анастасией Мельниченко и получившая широкую огласку не только в феминистской среде акция *#янебосьсказать*[2], направленная на борьбу с обвинением жертв насилия. В рамках акции участницы публично высказывались о пережитом сексуальном насилии и домогательствах.

При этом риски насилия в качестве серьезной социальной проблемы в России [Johnson, 2009; Jappinen, 2015; Gentleman, 2015; Johnson, Kulmala, Jäppinen, 2016] оказываются значимыми для информанток не только в контакте с агрессивной средой мейнстримного общества, где опасными становятся как публичные пространства улицы и работы, так и условно приватное пространство семьи. Риск

1 В скобках указан порядковый номер информантки, см. Приложение.

2 https://meduza.io/feature/2016/07/08/po-nastoyaschemu-strashnye-istorii-bylina-zakrytyh-stranichkah.

оказаться жертвой насилия остается существенным и внутри широких активистских сообществ.

> *В [название организации] тоже был адский сексизм и насилие и все, что хочешь. И все это было прикрыто риторикой о феминизме, поэтому это можно было делать спокойно.* (№ 27)

Когда женская сексуальность сама по себе оказывается рискованной, основная феминистская повестка сосредотачивается на выработке стратегии минимизации риска насилия, в том числе сексуального, которому подвержены женщины в условиях патриархатного гендерного порядка современной России. Женская уязвимость при этом оказывается противопоставлена мужскому доминированию, акцент ставится на ощущении женщинами угрозы их безопасности и необходимости борьбы за защиту женщин от мужчин, выступающих в роли насильников.

> *Опыт женского тела — это то, о чем мужчинам не приходится задумываться, нужно приложить усилия, чтобы действительно подумать о том, каким образом нам заходить в лифт, например, с мужчинами, или заходить ночью домой, когда у тебя уже набран 112 и нужно только нажать на кнопку.* (№ 27)



При этом вектор солидаризации основывается на отнесении себя к миноритарной группе женщин. Самоопределение выстраивается через конструирование мужчин как Других, исключаемых из феминистского поля в рамках эссенциалистской риторики противопоставления категорий женского и мужского.

> *Ну какой враг может быть для феминистки? Ну все-таки мужчина.* (№ 4)

В то же время участницы исследования часто аргументируют отказ от включения мужчин в феминистские инициативы необходимостью борьбы женщин за пространство для высказывания в патриархальных условиях иерархичной мачистской культуры, в том числе среди участников более широких активистских сообществ.

> *Несмотря на то что там активисты тоже знают про это явление там, знают про какие-то вещи, типа ну, как бы все равно есть такая штука, что: «вот, они женщины» или что-нибудь такое, ну, то есть, на каких-то мероприятиях все равно мужики больше разговаривают там, авторитетнее у них мнение, в спорах во всяких мужики там тоже знают, как правильнее.* (№ 16)

Другие участницы феминистских инициатив стремятся деконструировать бинарную оппозицию категорий «мужчина — женщина» в логике квир-теории, настаивая на важности сочетания

ЛГБТИК и феминистской повестки для совместной борьбы против доминирующего патриархального режима. Часто информантки не могут помыслить свою включенность в феминистскую борьбу вне противодействия множественной дискриминации и стремления к социальной справедливости, сотрудничая с ЛГБТИК-инициативами и занимаясь самоадвокацией. Одна из участниц исследования следующим образом описывает своих соратниц и соратников в феминистской борьбе.

> *Часто это люди, которые... ну, как бы квир-феминистские, то есть для которых размывание гендера, вот это те вещи связаны с трансактивизмом и так далее. Настолько же весомы, как, вот, и другие феминистские, течения, другие векторы.* (№ 28)

Другая активистка подчеркивает следующее.

> *Как бы че, квир, либо конец света. От нормы надо уже уходить и деконструировать, перестать за нее хвататься.* (№ 25)

Участницы феминистских инициатив, поддерживающие ценности ЛГБТИК, выстраивают между собой солидарные связи через определение других феминисток, чьи ценности им оказываются чужды.

> *Много активисток там не знаю, которые транс-людей не приемлют, ну и так далее, просто много жести, там гомофобок, и ну и просто людей, которые умудряются свои, ну, акции как бы делать, ну вот за все хорошее, но вот во имя яркости каких-то образов, ну не рефлексируют как бы как они. Ну вот помимо, помимо феминизма там ничего не видят, могут там эксплуатировать образы исламских женщин и так далее, и это естественно то, что нам жестко не нравится.* (№ 5)

Их оппонентки настаивают на существовании границ между феминистскими и ЛГБТИК-инициативами, воспринимая ЛГБТИК как «чужих».

> *И всякие ЛГБТ вот эти, они же тоже обособлены. Ну, очень.* (№ 23)

Другая информантка подчеркивает «инаковость» трансгендеров, рассуждая о вопросе транс-инклюзивности в одной из феминистских инициатив.

> *Ну у нас особо не любят, ну, трансов, наверное, я к ним отношусь нейтрально, мне все равно в принципе. Ну, то есть как бы угрозы какой-то я в них не вижу совершенно. Ну, это, что столько споров идет, ну на счет этого. Я это не разделяю совершенно. Есть ну, враги намного серьезней, чем там с трансами какими-то там, ну, сражаться, бороться, которых я даже лично не знаю вообще.* (№ 4)

В то же время в условиях постоянного ощущения риска насилия, которое может воспроизводиться как в ситуации изнасилования со стороны мужчин по отношению к женщинам, так и в сексуальных репрессиях со стороны государства и других феминистских активисток по отношению к ЛГБТИК, для информанток оказываются значимыми категории безопасности и комфорта, без которых удовольствие и проявление агентности оказывается невозможным.

> *ЛГБТ-сообщество и феминистское сообщество достаточно трепетные, им важно искать такое безопасное пространство. Ну и это понятно: если на ЛГБТ-тусовку придут люди, которые готовы тебя кулаками бить, некомфортно. И как бы проще, проще не доводить дело до прямого столкновения и проще не пустить.* (№ 21)

Однако часто безопасное пространство определяется участницами как male-free[1], основанное на логике бинарных категорий. Необходимость такого пространства обосновывается информантками стремлением избежать власти, которая производится мужчинами через оккупирование пространства речи.



> *На оргкомитете было, по-моему, шесть девушек, шесть-восемь и примерно два-три мужчины. Так вот, во время оргкомитета четыре часа, 90% времени, говорил Вася П. из [название организации], и мне приходилось постоянно его затыкать, говорить: «Вася, это оргкомитет 8 Марта, давай помолчи хотя бы немножко и дадим слово женщинам». То есть я не хочу эти встречи превращать в такой аналог, где будет говорить какой-нибудь Вася П., а женщина молчать.* (№ 9)

Подобные позиции, несущие в себе риск воспроизводства новых механизмов исключения на основе разделения на «женщин» и «мужчин», подвергаются внутренней критике участницами феминистских инициатив.

> *И там приходит какой-нибудь мальчик, который весь такой феминист-пре-феминист! И такой он весь такой хороший! И тут встает какая-нибудь радфемка и говорит: «я не буду обсуждать эту тему, пока этот там х**носец не выйдет из комнаты!». И ты думаешь: «боже!».* (№ 10)

Таким образом, одни информантки делают акцент на необходимости солидаризации вне выстраивания бинарных категорий «мужчины — женщины», в то время как другие склонны к конструированию «не-женщин» как «чужих», не имеющих права участвовать

1 Male-free — свободное от мужчин (англ.)

в феминистской борьбе. Такая риторика основана на стремлении избавиться от любого риска возникновения насилия и иерархий в феминистских инициативах. В то же время выстраивание male-free-пространства подразумевает особые механизмы исключения, в том числе и тех участников ЛГБТИК-инициатив, которые идентифицируются как мужчины и становятся сексуальными диссидентами [Rubin, 1984] в рамках феминистского дискурса.

## Коммерческий секс и репрессируемая сексуальность

Другой важной и наиболее горячо обсуждаемой темой для участниц исследования является коммерческий секс, дискуссии о котором нередко приводят к открытым конфликтам. Часто рассуждения информанток о коммерческом сексе выстраиваются в рамках риторики сексуального насилия мужчин над женщинами. Сторонницы неоаболиционистского подхода определяют коммерческий секс как патриархальное насилие со стороны мужчин и современную форму рабства, против которой необходимо бороться через реализацию «шведской модели» криминализации покупки сексуальных услуг [Жайворонок, 2018, наст. изд.]. При аргументации своей позиции участницы исследования отталкиваются от утверждения, что работницы сферы коммерческого секса всегда являются пассивными жертвами.



> *Я не думаю, что это может быть каким-то там прямо осознанным выбором. Даже если кто-то выбрал это из разряда «все равно это лучше, чем что-то другое, что еще могло оставаться», все равно это сложно назвать выбором. И уж лучше решить проблему, чтобы такого выбора не стояло.* (№ 11)

Коммерческий секс трактуется неоаболиционистками как маргинальная практика, находящаяся за пределами дозволенных сексуальных связей, в то время как работницы секс-индустрии воспринимаются однозначно лишенными возможности испытывать сексуальное желание.

> *Мне было важно, как бы, что, скажем, мой молодой человек, с которым я начала встречаться, я у него спрашивала: «а ты когда-нибудь пользовался услугами проститутки?» Ну, потому что, типа, как можно заниматься сексом с человеком, который тебя не хочет?* (№ 6)

«Мужчина» в нарративах сторонниц неаболиционистского подхода конструируется как потребитель секс-услуг, реализующий стратегию господства над женскими телами и производящий сексуальное насилие.

*Ну, понятно, что мужчина отстаивает свое право покупать людей и все. Как бы он может себе позволить это. Кто откажется от такой власти добровольно?* (№ 27)

Часто в восприятии информанток, придерживающихся неоаболиционистских позиций, границы между добровольным оказанием секс-услуг и секс-траффикингом (сексуальным рабством) размываются: и то, и другое представляется как ненормальная, насильственная и вредоносная практика.

*Вообще меня, наверно, больше всего беспокоит проблема проституции. Ну, траффик, принуждение девушек. То, в каком количестве их принуждают этим заниматься.* (№ 11)

Другая информантка так интерпретирует опыт своей подруги, работавшей в сфере коммерческого секса.

*Мне кажется, что это не совсем ее выбор, потому что она испытывала давление, то есть там был вопрос выживания.* (№ 19)

По словам некоторых участниц исследования, сам факт существования коммерческого секса создает риски мизогинии и стигматизации «женщин» как категории.



*Я считаю, что просто проституция способствует тому, что люди ко всем женщинам начинают относиться плохо.* (№ 16)

Восприятие коммерческого секса оказывается неотделимым от самого определения феминизма: активистки и активисты, не придерживающиеся неоаболиционистских позиций, рассматриваются как «чужие», с которыми оказывается невозможной солидаризация.

*С моей точки зрения, либеральный феминизм — это недофеминизм, потому что там либералы считают, что проституция как бы — это нормально, что это можно легализовать!* (№ 19)

В то же время феминистки, которые придерживаются позиций свободного контракта, наоборот, воспринимают работниц коммерческого секса как обыкновенных экономических субъектов, которые получают плату за предоставленные услуги и коммодифицируют телесные навыки [Нартова, Крупец, 2010]. В рамках данного подхода коммерческий секс определяется как труд, позволяющий работницам реализовывать агентность.

*Я знаю людей с опытом секс-работы, или которые рассматривают эту работу как вариант.* (№ 13)

Добровольный коммерческий секс и секс-траффикинг воспринимаются сторонницами подхода свободного контракта как различные явления, а разделения на «хороший» некоммерческий секс и «плохой» секс за деньги не происходит: и то, и другое оказывается возможным средством получения удовольствия.

> *Я более либерально к этому отношусь и считаю, что траффик — это серьезная проблема, траффик людей и все прочее, но я считаю, что сексуальная работа должна быть легализирована, и люди должны быть информированы надлежащим образом, но это должна быть опция, потому что все равно люди будут находиться в этой области и будут работать, запретить это делать невозможно. Тем более, что есть люди, которые действительно хотят это делать. Если были бы нормальные условия, я очень много думала над тем, чтобы самой это делать.* (№ 17)

В этой риторике возможность свободного выбора оказывается средством для сексуального освобождения, практики коммерческого секса включают в себя различные, а не только негативные (связанные с насилием и эксплуатацией) опыты [Жайворонок, 2018, наст.изд.], а акцент ставится на важности защиты прав секс-работниц. Однако многие феминистки имеют неустойчивые позиции в отношении к коммерческому сексу либо отказываются публично выражать свое мнение по данному вопросу. Они не принимают чью-либо сторону в дискуссиях, ощущая риск исключения из феминистского поля.



> *Я как бы в Фейсбуке вообще ничего не пишу и не лайкаю от греха подальше, чтобы меня там еще не замесили, в замес никакой вот. И ты типа там должен по каким-нибудь этим вот то, что ты спрашиваешь там, вот эти вот трансы, секс-работницы, ты типа должна иметь какую-то позицию: «Потом мы на тебя посмотрим и подумаем, звать тебя куда-нибудь или не звать». Вот, и это тяжело.* (№ 16)

В то же время информантки часто критикуют категоричные высказывания участниц феминистских инициатив «за» или «против» коммерческого секса, не имеющих личного опыта участия в данных практиках. По мнению информанток, в этом контексте сами работницы коммерческого секса оказываются лишенными субъектности.

> *Где хоть одна женщина, которая бы открыто сказала: я была в проституции, и я против легализации или я за легализацию, или за криминализацию. Где такое хоть раз? Я ни разу за пять лет этого не видела, не слышала. Это наша вина, что у нас ни разу ни одна женщина в проституции или из проституции не высказывалась об этом, то есть это ужасно!* (№ 9)

Несмотря на противоречия и открытые конфликты, возникающие среди участниц феминистских инициатив в дискуссиях о коммер-

ческом сексе, информантки единодушно поддерживают стратегии минимизации рисков, связанных с вовлеченностью в коммерческий секс.

> *Я думаю, что нужно создать безопасные условия для работы девушек, ну и мужчин тоже, когда это находится в тени, это по любому бьет девушек и тех, кто приходит к ним, это абсолютно не трогает. И что самое плохое — это отношение к их безопасности всегда под ударом.* (№ 17)

Часто участницы исследования настаивают на необходимости создания благоприятных структурных условий для возможности осуществления свободного выбора работницами коммерческого секса. Без подобных «идеальных» условий коммерческий секс трактуется информантками как слишком рисковая практика, участницы которой воспринимаются как жертвы гендерного неравенства.

> *В первую очередь нужно работать не с самой проституцией, а просто с социальными условиями, которые бы помогли женщинам идти на другие рабочие места, и только когда мы обеспечим вот женщинам выбор, тогда мы сможем говорить, идут ли они в проституцию по своему выбору или не идут. И если окажется, что в благополучном мире, где много всяких работ и где их не берут на другую работу, и так далее, и так далее, они все равно хотят идти в проституцию, то и прекрасно, и замечательно — пусть идут. Но проконтролировать это в нынешних условиях совершенно невозможно.* (№ 10).



Другая информантка это подтверждает.

> *Не от плохой жизни они должны в это идти, а как в фильме там... Озона? Прекрасно там, у Озона, она пошла угорела. Вот, то есть, ну, поэтому пускай она идет, а не потому, что ей там кушать нечего.* (№ 16)

Таким образом, восприятие добровольного коммерческого секса как практики, сопряженной с высокими рисками и опасностью насилия, дискурсивно усиливает позиции работниц коммерческого секса как сексуальных диссиденток. Кроме того, часто проявляясь в полном отрицании возможности обмена секса на деньги, подобный подход делает коммерческий секс маргинализованным в иерархии сексуальных практик.

Другим примером производства репрессируемой сексуальности является поляризованное отношение участниц феминистских инициатив к практикам БДСМ[1], часто представляющих собой составляющую коммерческого секса [Кондаков, 2017]. Так, информантка

1 Бондаж, доминирование, садизм и мазохизм.

критикует позиции радикальных феминисток, рассматривающих БДСМ как доминирование мужчин над женщинами.

> *Дальше что-то на тему того, что БДСМ угнетает женщин. То есть БДСМом не могут заниматься две женщины, у женщин не может быть верхних просто в БДСМ-отношениях. О'кей! Хорошо! Хорошо! Да, БДСМ — это угнетение женщин, это я согласна!* (смеется) *То есть, я... меня очень расстраивает.* (№ 15)

Таким образом, практики миноритарного сообщества БДСМ, как и добровольный коммерческий секс, часто оказываются маргинализованы в рамках феминистского дискурса. Они расцениваются как политически некорректные, несущие в себе риски воспроизводства властных иерархий и подавления, при этом дискурсивно неотделяемые от доминантной системы производства гендерного неравенства в консервативном отечественном контексте.

Подобные риски связываются информантками с авторитарными ограничениями гражданской свободы со стороны государства, подрывающими любую возможность создания условий для сексуального освобождения и получения удовольствия.



> *Нужно везде все закрыть, заблокировать, везде поставить камеры, ОМОН. Ну и как бы, когда ты в такой ситуации, особо не до либидо вообще, и не до этого вот пыла 68-го года, это все равно что, я не знаю, заниматься сексом, когда на тебя направлена камера кэгэбэшника.* (№ 26)

## Заключение

Анализ эмпирического материала показал, что значения сексуальности в континууме «риск/удовольствие» в первую очередь артикулируются участницами феминистских инициатив в контексте риска насилия. Оно может проявляться как сексуальное насилие мужчин по отношению к женщинам, относящихся к категории угнетенных в условиях консервативного контекста современной России, где продолжает воспроизводиться патриархальная идеология, основанная на жестком разграничении категорий маскулинности и феминности.

Стратегия минимизации рисков, связанных с сексуальностью, оказывается наиболее актуализированной для участниц феминистских инициатив, стремящихся к созданию безопасных male-free-пространств, основанных на исключении мужчин из феминистской борьбы. При этом солидаризация выстраивается через самоидентификацию с категорией женщин как уязвимой группы. В то же время логика разделения на категории «мужчин» и «женщин», с одной стороны, отражает идеи западного феминизма второй волны, с дру-

гой — соотносится с патриархальной гендерной иерархией, основанной на конструировании бинарных гендерных структур.

Стремление к выстраиванию комфортного пространства без «мужчин» производит механизмы исключения из феминистского поля таких угнетенных, как ЛГБТИК. В то же время несущая в себе риск репрессий со стороны государства солидарность с ЛГБТИК включает в себя удовольствие от совместного противостояния доминирующему авторитарному социальному дискурсу, основанному на сексистских и гомофобных политиках.

Восприятие коммерческого секса как нелегитимной насильственной практики, с одной стороны, оказывается продиктованным необходимостью создания безопасных условий для сексуального самовыражения, с другой — способствует конструированию работниц, работников и потребителей коммерческого секса как сексуальных диссидентов наряду с участницами и участниками миноритарной культуры БДСМ. Солидарность при этом выстраивается по векторам восприятия коммерческого секса как патриархальной практики, связанного с риском насилия, либо как свободного выбора, основанного на получении удовольствия.



В то же время категория удовольствия и сексуального самовыражения для участниц исследования, сосредоточенных в первую очередь на рисках насилия, интерпретируемых в бинарной дихотомии мужского господства и женского угнетения, оказывается незначимой в актуальной феминистской повестке в условиях патриархальной политической культуры современной России.

## Библиография

Ауслander Л. (2000) Женские + феминистские + мужские + лесбийские-гей + квир исследования = гендерные исследования? *Гендерные исследования*, (5): 51-55.

Гидденс Э. (2004) *Трансформация интимности. Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах*, СПб.: Питер.

Жайворонок Д. (2018) Тревожность, перевод и мечта об общем языке: зачем феминистки обсуждают коммерческий секс. *Социология власти*, 2018, настоящий номер.

Здравомыслова Е. (2009) Гендерное гражданство и абортная культура. Е. Здравомыслова, А. Тёмкина (ред.). *Здоровье и доверие: гендерный подход к репродуктивной медицине,* СПб.: Изд-во ЕУСПб: 108-135.

Кондаков А. (2013) Дерадикализация российского феминизма, или как Джудит Батлер, наконец, встретила Александру Коллонтай. *Неприкосновенный запас*, (2): 67-81.

Кондаков А. (2017) Рабство и господство как взаимные отношения: анализ договорных отношений в БДСМ. *Новое литературное обозрение*, 147 (5): 170-183.

Крупец Я., Нартова Н. (2010) Переопределение границ между трудом, удовольствием и насилием: секс-работа как особый вид неформальной занятости. *Журнал исследований социальной политики*, 8 (4): 537-549.

Муравьева М. (2014) "(Ne)традиционные сексуальные отношения» как юридическая категория: историко-правовой анализ. А. Кондаков (ред.) *На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований*, СПб.: Центр независимых социологических исследований: 55–67.

Омельченко Е. (2015) Риски и удовольствия на сценах молодежного активизма современной России. М. Пугачева, А. Филлипов. *Пути России. Альтернативы общественного развития*, М.: Новое литературное обозрение: 25-47.

Омельченко Е. (2008) От пофигистов до прагматиков: поколения молодежной солидарности постперестроечной России. *Неприкосновенный запас*, (5): 178-183.

Омельченко Е. (2013) Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст. *Социологические исследования*, (10): 52-61.

Омельченко Е. (2014) От субкультур-к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности. *Этнографическое обозрение*, (1): 3-8.

Тёмкина А. (2002) К вопросу о женском удовольствии: сексуальность и идентичность. О. Хархордин (ред.) *Мишель Фуко и Россия*, СПб.: Летний сад: 316-347.

Шнырова О. (2012) Российский феминизм: ждать ли новой волны? *Неприкосновенный запас*, (3): 52-60.

Bennett A. (2011) The post-subcultural turn: some reflections 10 years on. *Journal of Youth Studies*, 14 (5): 493-506.

Butler J. (1990) *Gender trouble. Feminism and the Subversion of Identity,*. New York: Routledge.

Dworkin A. (1979) *Pornography: Men possessing women.* New York: Perigee Books.

Echols A. (2016) Retrospective: Tangled Up in Pleasure and Danger. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 42 (1): 11-22.

Ferguson A. (1984) Sex war: The debate between radical and libertarian feminists. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 10 (1): 106-112.

Johnson J.E. (2009) *Gender violence in Russia: The politics of feminist intervention*, Bloomington: Indiana University Press.

Johnson J.E., Kulmala M., Jäppinen M. (2016) Street-level Practice of Russia's Social Policymaking in Saint Petersburg: Federalism, Informal Politics, and Domestic Violence. *Journal of Social Policy*, 45 (2): 287-304.

Johnson J.E., Saarinen A. (2013) Twenty-first-century feminisms under repression: Gender regime change and the women's crisis center movement in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 38 (3): 543-567.

Kondakov A. (2012) An Essay On Feminist Thinking In Russia: To Be Born a Feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, 2 (7): 33-47

Levy D.L., Johnson C.W. (2012) What does the Q mean? Including queer voices in qualitative research. *Qualitative Social Work* (11): 130-140.

MacKinnon C.A. (2007) *Women's lives, men's laws*, Cambridge: Harvard University Press.

Philipson I. (1984) The Repression of History and Gender: A Critical Perspective on the Feminist Sexuality Debate. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 10 (1): 113-118.

Pilkington H., Omel'chenko E. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology compass*, 7 (3): 208-224.

Rubin G. (1984) Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality. *Social Perspectives in Lesbian and Gay Studies. A Reader*: 100-133.

Showden C.R. (2016) Feminist Sex Wars. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies*.

Sperling V. (2014) *Sex, politics, and Putin: political legitimacy in Russia*, Oxford: Oxford University Press.

Stella F., Nartova N. (2015) Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin's Russia. F. Stella, Y. Taylor, T. Reynolds, A. Rogers (eds) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives*, London: Routledge: 24-42.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology*, 62 (2): 253-270.

Valocchi S. (2005) Not yet queer enough: The lessons of queer theory for the sociology of gender and sexuality. *Gender & Society*, 19 (6): 750-770.

Vance C.S. (1984) *Pleasure and danger: Exploring female sexuality*. Boston, London, Melbourne: Routledge & Kegan Paul.

*Weeks J. (2015)* Gay Liberation and Its Legacies. D. Paternotte, M. Tremblay. Burlingtin (eds) *The Ashgate Research Companion to Lesbian and Gay Activism* VM: Ashgate: 45-57.



## References

Auslander L. (2000) Zhenskie + feministskie + muzhskie + lesbijskie-gej + kvir issledovanija = gendernye issledovanija? [Do Women + Feminist + Men + Lesbian and Gay + Queer Studies = Gender Studies?]. *Gendernye issledovanija*, (5): 51-55.

Bennett A. (2011) The post-subcultural turn: some reflections 10 years on. *Journal of Youth Studies*, 14 (5): 493-506.

Butler J. (1990) *Gender trouble. Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge.

Dworkin A. (1979) *Pornography: Men possessing women*, New York: Perigee Books.

Echols A. (2016) Retrospective: Tangled Up in Pleasure and Danger. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 42 (1): 11-22.

Ferguson A. (1984) Sex war: The debate between radical and libertarian feminists. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 10 (1): 106-112.

Giddens A. (2004) *Transformacija intimnosti. Seksual'nost', ljubov' i jerotizm v sovremennyh obshhestvah [Transformation of Intimacy: Sexuality, Love, and Eroticism],* St. Petersburg: Piter.

Johnson J.E. (2009) *Gender violence in Russia: The politics of feminist intervention*, Bloomington: Indiana University Press.

Johnson J.E., Kulmala M., Jäppinen M. (2016) Street-level Practice of Russia's Social Policymaking in Saint Petersburg: Federalism, Informal Politics, and Domestic Violence. *Journal of Social Policy*, 45 (2): 287-304.

Johnson J.E., Saarinen A. (2013) Twenty-first-century feminisms under repression: Gender regime change and the women's crisis center movement in Russia. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 38 (3): 543-567.

Kondakov A. (2012) An Essay On Feminist Thinking In Russia: To Be Born A Feminist. *Oñati Socio-Legal Series*, 2 (7): 33-47.

Kondakov A. (2013) Deradikalizacija rossijskogo feminizma, ili kak Dzhudit Batler, nakonec, vstretila Aleksandru Kollontaj [Deradicalisation of Russian Feminism or How Judith Butler Met Alexandra Kollontai]. *Neprikosnovennyj Zapas*, 88 (2): 67-81.

Kondakov A. (2017) Rabstvo i gospodstvo kak vzaimnye otnoshenija: analiz dogovornyh otnoshenij v BDSM [Master and Slave as a Collaborative Relationship. An Analysis of Contractual Relationships in BDSM]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 147: 170-183.



Krupec J., Nartova N. (2010). Pereopredelenie granic mezhdu trudom, udovol'stviem i nasiliem: seks-rabota kak osobyj vid neformal'noj zanjatosti [Redefining the Borders between the Labor, Joy, and Violence: Sex-Work as a Special Type of Informal Occupation]. *Journal of Social Policy Studies*, 8 (4): 537-549.

Levy D.L., Johnson C. W. (2012) What does the Q mean? Including queer voices in qualitative research. *Qualitative Social Work*, (11): 130-140.

MacKinnon C. A. (2007) *Women's lives, men's laws*, Cambridge: Harvard University Press.

Muraveva M. (2014) "(Ne)tradicionnye seksual'nye otnoshenija" kak juridicheskaja kategorija: istoriko-pravovoj analiz ["Non-traditional sexual relationships" as a law cathegory: historical and legal analysis]. A. Kondakov (ed.) *Na pereput'e: metodologija, teorija i praktika LGBT i kvir-issledovanij [On the Crossroads: Methodology, theory and practice of LGBT and Queer Studies],* St. Petersburg: Centre for Independent Social Research: 55–67.

Omel'chenko E. (2015) Riski i udovol'stvija na scenah molodezhnogo aktivizma sovremennoj Rossii. [Risks and Joys on the Stages of Youth Activism in the Modern Russia] M. Pugacheva, A. Fillipov (eds). *Puti Rossii. Al'ternativy obshhestvennogo razvitija. [The Paths of Russia. Alternatives of Social Development],* M.: Novoe literaturnoe obozrenie: 25-47.

Omel'chenko E. (2008) Ot pofigistov do pragmatikov: pokolenija molodezhnoj solidarnosti postperestroechnoj Rossii [From slackers to pragmatists: the Cohorts of Youth Solidarity of Post-Perestroika Russia]. *Neprikosnovennyj zapas*, (5): 178-183.

Omel'chenko E. (2013) Solidarnosti i kul'turnye praktiki rossijskoj molodezhi nachala XXI veka: teoreticheskij kontekst [Solidarities and Cultural Practices of Russian

Youth in The Beginning of XXI Century: Theoretical Context]. *Sociologicheskie issledovanija*, 10: 52-61.

Omel'chenko E. (2014) Ot subkul'tur-k solidarnostjam i nazad k subkul'turam? Spory o terminah i jetnografija molodezhnoj social'nosti [From Subcultures to Solidarities and Back to Subciltures? Arguments About Terms and Ethnography of the Youth Sociality]. *Etnograficheskoe obozrenie*, (1): 3-8.

Philipson I. (1984) The repression of history and gender: A critical perspective on the feminist sexuality debate. *Signs: Journal of Women in Culture and Society*, 10 (1): 113-118.

Pilkington H., Omel'chenko E. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology compass*, 7 (3): 208-224.

Rubin G. (1984) Thinking sex: Notes for a radical theory of the politics of sexuality. *Social Perspectives in Lesbian and Gay Studies. A Reader*, 100-133.

Shnyrova O. (2012) Rossijskij feminizm: zhdat' li novoj volny? [Russian Feminism: should we wait for the new wave?] *Neprikosnovennyj zapas*, 83 (3): 52-60.

Showden C.R. (2016) Feminist Sex Wars. *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Gender and Sexuality Studies*.

Sperling V. (2014) *Sex, politics, and Putin: political legitimacy in Russia,* Oxford: Oxford University Press.



Stella F., Nartova N. (2015) Sexual citizenship, nationalism and biopolitics in Putin's Russia. F. Stella, Y. Taylor, T. Reynolds, A. Rogers (eds) *Sexuality, Citizenship and Belonging: Trans-National and Intersectional Perspectives,* London: Routledge: 24-42.

Temkina A., Zdravomyslova E. (2014) Gender's crooked path: Feminism confronts Russian patriarchy. *Current Sociology*, 62 (2): 253-270.

Temkina A. (2002) K voprosu o zhenskom udovol'stvii: seksual'nost' i identichnost' [To the Question About Female Joy: Sexuality and Identity]. O. Harhordin (ed.) *Michele Foucault y Rossija* [Michele Foucault and Russia], St. Petersburg: Letnij Sad: 316-147.

Valocchi S. (2005) Not yet queer enough: The lessons of queer theory for the sociology of gender and sexuality. *Gender & Society*, 19 (6): 750-770.

Vance C. S. (1984) *Pleasure and danger: Exploring female sexuality.* Boston, London, Melbourne & Henley: Routledge & Kegan Paul.

*Weeks J.* (2015) Gay Liberation and Its Legacies. D. Paternotte, M. Tremblay (eds) *Burlingtin, The Ashgate Research Companion to Lesbian and Gay Activism* VM: Ashgate: 45-57.

Zdravomyslova E. (2009) Gendernoe grazhdanstvo I abortnaia kul'tura [Gendered citizenship and the culture of abortion], E. Zdravomyslova, A. Temkina (eds) *Zdorov'e i doverie: gendernyi podkhod k reproduktivnoi medicine* [Health and Trust: A Gender Approach to Reproductive Medicine], St. Petersburg: EUSP Press: 108-135.

Zhaivoronok D. (2018) Trevozhnost', perevod i mechta ob obshchem iazyke: zachem feministki obsuzhdaiut kommercheskii seks [Anxiety, Translation and Dream about Collective Language: Why Do Feminists Discuss Commercial Sex]. Sotsiologiia vlasti (*Sociology of Power)*, forthcoming.

# Приложение

**Характеристика информанток**

| № п.п. | Возраст | Образование | Длительность интервью, мин |
|---|---|---|---|
| 1 | 17 | Среднее | 120 |
| 2 | 21 | Неоконченное высшее (студентка вуза) | 123 |
| 3 | 21 | Неоконченное высшее | 91 |
| 4 | 21 | Среднее специальное | 92 |
| 5 | 22 | Высшее | 90 |
| 6 | 22 | Высшее | 114 |
| 7 | 24 | Среднее специальное | 120 |
| 8 | 24 | Неоконченное высшее | 83 |
| 9 | 24 | Неоконченное высшее (студентка вуза) | 79 |
| 10 | 25 | Высшее | 82 |
| 11 | 25 | Неоконченное высшее (студентка вуза) | 84 |
| 12 | 26 | Высшее | 52 |
| 13 | 26 | Высшее | 59 |
| 14 | 26 | Высшее | 47 |
| 15 | 26 | Высшее | 82 |
| 16 | 28 | Высшее | 156 |
| 17 | 27 | Высшее | 71 |
| 18 | 27 | Высшее | 86 |
| 19 | 27 | Высшее | 162 |
| 20 | 27 | Неоконченное высшее | 124 |
| 21 | 29 | Высшее | 70 |
| 22 | 29 | Высшее | 60 |
| 23 | 29 | Высшее | 57 |
| 24 | 30 | Высшее | 87 |
| 25 | 31 | Высшее | 107 |
| 26 | 32 | Высшее | 87 |
| 27 | 36 | Высшее | 89 |
| 28 | 39 | Высшее | 97 |

**Рекомендация для цитирования/For citations:**

Сенькова О.А. (2018) «Особо не до либидо»: солидарности и политики сексуальности в низовых феминистских инициативах Петербурга. *Социология власти*, 30 (1): 79-100.

Senkova O.A. (2018) "Not so Much About Libido": Solidarities and Sexual Policies Grassroot Feminist Initiatives in Petersburg. *Sociology of Power*, 30 (1): 79-100.

Поступила в редакцию: 05.12.2017; принята в печать: 14.02.2018